

ПОНИЗОВОЕ ПОВОЛЖЬЕ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВВ.

В статье рассматриваются основные аспекты освоения Понизового Поволжья во второй половине XVI — первой трети XVII вв., от времени присоединения к России и до начала строительства на юге и юго-востоке страны системы непрерывных укрепленных линий. Под термином “Понизовое Поволжье” понимается территория восточной части “Дикого Поля” между реками Волгой и Яиком (р. Урал), ограниченная с севера - нижним и средним течением р.Камы и р.Белой, с юга - северным побережьем Каспия. Этот регион, наряду с природными особенностями, в древности и средневековье обладал определенной замкнутостью - автономностью - в своем историческом развитии. Его лесостепное пространство южнее р. Самары плавно переходило в степь, где полностью господствовали кочевники. В рассматриваемый период Волжское Понизовье являлось юго-восточной окраиной России, входившей в сферу постоянных политических интересов правительства¹. Количество исследований, посвященных его истории во второй половине XVI — XVII вв., невелико. Понизовое Поволжье рассматривалось либо в общих трудах по истории всего Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья²; либо изучались только отдельные явления на данной территории - яицкое казачество, ногайская орда, астраханские промыслы, строительство русских крепостей на Волге и т.д.³. Попытки представить целостную историю Понизового Поволжья во второй половине XVI - XVII вв. как отдельного региона практически не предпринималось.

Вхождение в середине XVI в. Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья в состав России отнюдь не означало включения жителей основной его территории в систему традиционных социально-политических и экономических отношений, господствовавших в средневековом российском обществе. Активное складывание таких отношений, интенсивное формирование русского сельского и “городского” населения в среде местных коренных народов Поволжья и Приуралья происходило только на территории собственно Казанского края, который давно был освоен в аграрном и аграрно-промысловом отношениях. Все остальное огромное пространство, располагавшееся ниже слияния Волги и Камы, являлось зоной кочевий Ногайской (а затем Большой Ногайской) орды, редких казачьих стоянок. После присоединения оно представляло для русского правительства особую значимость в двух

аспектах: во-первых, с точки зрения развития торговых и дипломатических связей с Ираном, государствами Средней Азии и Закавказья (прежде всего по Волге); во-вторых, для обеспечения безопасности юго-восточных окраин страны от нападений кочевников.

Выполнение этих двух задач в Понизовом Поволжье требовало мобилизации значительных дипломатических и военно-административных средств. Последних у России, особенно в неудачные периоды Ливонской войны, oprичнины, экономического кризиса, явно не хватало.

Постепенно, по мере укрепления позиций русской администрации в Понизовье складывалось еще одно направление государственной политики - защита и поощрение предпринимательской деятельности в регионе, прежде всего рыболовства и добычи соли. В отличие от предшествующих задач, в выполнении последней, общество шло впереди государства, подталкивая его на шаги по регулированию и упорядочиванию эксплуатации природных ресурсов края.

Положение Волжского Понизовья в составе России во второй половине XVI - начале XVII вв. претерпело настолько значительные изменения, что в его развитии можно выделить 2 периода:

На протяжении первого - от присоединения до середины 1580-х гг. - российское правительство смогло с помощью военных и дипломатических средств установить свое полное (Казанский край) или номинальное (Заволжье) господство над всей территорией края, подавить все оппозиционные движения местного населения, а также отстоять свое право верховного сюзерена над Большой Ногайской Ордой от посягательств Турции. Кроме Казани и городов-крепостей Казанского края на всей огромной территории Среднего и Нижнего Поволжья находилась в это время только одна постоянная мощная опорная база - Астрахань. Разумеется, полностью контролировать все Понизовье из двух центров было крайне сложно, если не невозможно. Наиболее удовлетворительным выходом в данной ситуации явилось бы сооружение в ключевых местах волжского пути - в устьях рек Самары и Большого Иргиза, на волжско-донской Переволочке русских крепостей. В 1550-х гг. в этом были заинтересованы и руководители Ногайской Орды, прежде всего нурадин, а с 1555 г. князь (бий) Исмаил, признавший в 1557 г. свою вассальную зависимость от Москвы⁴. Во время переговоров с Исмаилом русское правительство обещало и, видимо, всерьез рассматривало возможности создания постоянных укрепленных пунктов-городков по всей Волге. Вопрос об их строительстве неоднократно поднимался в дипломатической переписке 1550-х гг. Однако, Москва на протяжении первых трех десятилетий владения волжским путем ограничилась только посылками "плавных ратей", да высадками в наиболее "опасных" мес-

тах волжского побережья небольших стрелецких отрядов для “летования”. Анализ всей совокупности опубликованных Разрядных книг, дипломатической переписки, других источников позволяет сделать вывод о том, что подобные действия предпринимались нерегулярно, спорадически, в качестве ответа на особо впечатляющие нападения казаков или попытки турецко-крымских походов в Поволжье. Хотя необходимо отметить, что в отдельные годы система сезонных стоянок правительственных войск на Волге выглядела весьма внушительно и создавала впечатление едва ли не полного контроля над волжской акваторией. Достаточно вспомнить записки агента английской компании Христофора Борро, который на нижней Волге, от Переволоки до Астрахани насчитал 6 караулов - “летовий”. В крупнейшем из них - на Царицынском острове, там, где позднее был построен город, находилось по словам путешественника 50 “пушкарей”⁵.

Напрашивается вывод о том, что в данный период правительство рассматривало сооружение крепостей с постоянным гарнизоном на волжских берегах как преждевременные действия, не востребованные собственными интересами и геополитической ситуацией в регионе. Устройство городков только для охраны волжского пути было слишком дорогим занятием в условиях Ливонской войны. Задачи же земледельческого или промыслового освоения края в эти годы практически не ставились, и поэтому крепости как центры создания сельскохозяйственно-промысловой округи также были не нужны. Даже после того, как в конце 1560-х гг. обстановка на юге и юго-востоке страны резко обострилась и понадобились чрезвычайные военные усилия 1569-1572 гг., чтобы остановить турецко-крымскую агрессию, в Москве использовали иные способы для укрепления своих позиций на границах с Диким Полем. С 1571 г. началось коренное реформирование системы сторожевой службы, протянувшейся вдоль южных и юго-восточных лесостепных границ России⁶. Крайние юго-восточные сторожи проезжали по правому берегу всю среднюю Волгу и останавливались под “Караманским лесом” у устья р. Терешки, неподалеку от построенного позднее Саратова. Кроме того, в тех же 1570-х гг. появилось еще несколько линий сторожевых разъездов, выходивших по правому берегу к Волге, как севернее, так и южнее первой. К сожалению, полную реконструкцию действий восточного приволжского крыла всей этой грандиозной системы сторожевой службы воспроизвести вряд ли возможно, так как все делопроизводство, относящееся к изучаемому региону, было переведено из Разрядного в Казанский приказ и практически не сохранилось⁷. Немногочисленные станицы вряд ли могли оказать сколько-нибудь серьезное противодействие кочевникам и служили, прежде всего, для раннего оповещения

воевод юго-восточных пограничных городов Казанского Поволжья о появлении крупных отрядов степняков. В конце 1570-х гг. часть сторожей в Понизовом Поволжье была упразднена “от 88 году и по ся места под Тилеорманским лесом головы не стоя и, потому сказывали головы станичные и станичники, что меж Дону и Волги воинские люди мало ходят все ходят новою Калмиусскою дорогою а и пойдут которые малые люди и придут на Олатырские места ... и тех людей сакмы объезжают станицы арзамасские”⁸. Но все же определенную сдерживающую роль эти сторожи сыграли. Например, когда в 1580 г. хан Большой Ногайской орды стал готовиться к походу на русские окраины, ногайская знать его остановила, говоря при этом: “...нынче на Волге сторожи, и оне тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдеш, то московские люди будут наготове”⁹.

Только на ближних подступах к Казанскому Поволжью в конце 1570-х гг. началось сооружение засечной линии, главными опорными пунктами которой являлись Саранск, Алатырь, Тетюши¹⁰. Строительство Тетюшской черты (в литературе ее обычно называют “Старой Тетюшской”) на длительный период предопределило южные границы постоянного земледельческого заселения в Предволжье.

Для стабилизации ситуации в регионе во второй пол. 1570-х - начале 1580-х гг., для “усмирения” вышедших из повиновения ногаев¹¹, правительство широко использовало волжско-яицких казаков. Практически все зафиксированные в документальных источниках случаи активных действий казачьих отрядов в Понизовье, пик которых приходится на рубеж 1580-х гг., нашли отражение в исторической литературе, поэтому не имеет смысла специально останавливаться на их подробном перечне¹².

Активная роль Астрахани в защите волжского пути вряд ли распространялась далее волжско-донской Переволоки. Ее гарнизон мог действительно охранять сравнительно небольшой район волжской дельты. Кроме того, астраханским воеводам вменялось в обязанность защищать подступы к городу со стороны Северного Кавказа, а именно, район прилегающий к р. Терек, где во второй половине XVI в. сложился еще один район вольного казачества. Притеречье являлось базой для усиления влияния России на Северном Кавказе. Там время от времени устраивались русские укрепленные городки¹³.

Таким образом, в первое тридцатилетие после присоединения Понизового Поволжья к России вряд ли была выработана сколько-нибудь определенная политическая линия в отношении подлинного хозяйственно-промыслового освоения края. Понизовье в эти годы являлось районом, через который проходили торговые и посольские пути в страны

Востока, а также пограничным подбрюшьем быстро осваиваемого Казанского Поволжья.

Неудачное завершение Ливонской войны, воцарение Федора Ивановича и утверждение правительства Б. Годунова – А. Щелкалова привели к значительным изменениям в государственной политике на юге и юго-востоке страны. Особое внимание было уделено укреплению безопасности России на этих направлениях, расширению пояса пограничных городков-крепостей с последующим, где это было возможно, хозяйственным освоением новых территорий. Вряд ли основные направления новой политики были ясно и четко сформулированы в каком-либо законодательном акте, по крайней мере, такого документа пока не обнаружено. Однако этот поворот все же был замечен и в обобщенном виде сформулирован в летописных памятниках. Например, “Новый летописец” так отразил новые подходы к укреплению Казанского края: “Сам же государь праведной (Федор Иванович – Э.Д.) чая от них (народов Среднего Поволжья – Э.Д.) впредь измены ... повеле ставити ... города, ... и насади их русскими людьми и тем он государь укрепил все Царство Казанское”¹⁴. Составители “Пискаревского летописца” под 1684 г. распространили это положение на всю южную окраину страны: “Приказывает (Федор Иванович – Э.Д.) боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичу Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города ставити на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за многие лет запустевша от безбожных агарян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара (под этим городком подразумевалась, скорее всего, Самара южная на притоке Днепра, а не волжская – Э.Д.), Кромы, Монастырев и иныя многия польския и сиверския”¹⁵. Но авторы “Пискаревского летописца” забыли, по крайней мере, еще два новоприсоединенных региона, где строительство крепостей-городков происходило едва ли не столь же интенсивно как и на юге. К ним относились Понизовое Поволжье – с крепостями Самарой (1586), Уфой (1586), Царицыном (1589), Саратовом (1590); городками долины Терека (один из которых – Койса – был указан в “Пискаревском летописце”), Яицким городком (1594/95 г.) – и Западная Сибирь. Реализация этой политики привела к тому, что к концу XVI – началу XVII вв. на юге и юго-востоке страны возникла новая ситуация, произошло фактическое, а не номинальное укрепление лесостепных и отчасти степных пространств Дикого поля за Российским государством. Была подготовлена почва для следующего этапа – земледельческого освоения, но его выполнение надолго отодвинули события Смутного времени.

Можно утверждать, что для промыслового освоения природных богатств Понизового Поволжья в конце 1580-х - 1590-х гг. возникли качественно новые, более благоприятные, условия. Более подробно остановимся на их характеристике.

Стабилизировалась обстановка в Казанском крае. К середине 1580-х гг. завершилась длительная череда восстаний коренного населения¹⁶. В значительной степени “замирению” способствовали не только карательные акции правительственных войск, но и строительство в 1583-1584 гг. ряда укрепленных пунктов в покоренных районах - Козьмодемьянска (1583), Царевококшайска (1584), Цивильска (1584), Уржума (1584), Малмыжа (1584), Царевосанчурска (1585)¹⁷. Несколько позднее были основаны Ядрин (1590) и Яранск (1591)¹⁸. Создание весьма значительной группы крепостей в столь сжатые сроки явление уникальное для Казанского края. На Правобережье к началу 1580-х гг. было завершено строительство укреплений засечной линии, проходившей через Темников, Саранск, Алатырь и вышедшей к Волге в районе Тетюшей. С юго-востока, со стороны степей южного Приуралья подходы к региону защищала построенная в 1586 г. Уфа. Таким образом, в Казанском Поволжье в 1680-е гг. в основных чертах сложилась система военно-административных опорных пунктов (позднее она была несколько расширена), препятствовавшая возникновению сколько-нибудь серьезного оппозиционного движения.

Во второй половине 1580-х гг. правительство предприняло решительные шаги по созданию действенной системы обеспечения безопасного судоходства и рыболовства на всем протяжении средней и нижней Волги. С этой целью в 1586 - 1590 гг. были построены городки-крепости по берегам Волги от Тетюшей до Астрахани - Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590). В них разместили обычные для того времени воинские гарнизоны - по 300 - 500 детей боярских, стрельцов, иноземцев. Расстояние между городками на реке - от 300 до 400 км - позволяло их администрации достаточно оперативно реагировать на враждебные действия кочевников или казаков¹⁹.

В конце XVI в. были предприняты дополнительные усилия для укрепления российского присутствия в Нижнем Поволжье. В 1588 г. “велел государь ... в Астрахани город делать Астрахань каменной”. Видимо, в этом же году было решено значительно увеличить военный гарнизон крепости. Вниз по Волге во главе с М.И. Вельяминовым, которому и поручили строить астраханский кремль, отправилась “плавная рать”, состоявшая из 3 полков²⁰. О том, что город в конце XVI- начале XVII вв. приобрел иной облик, значительно разросся, свидетельствуют данные о строительстве новых и перестройке старых монастырей и храмов (Спас-

ский мужской, Вознесенский монастыри, соборная церковь Троицкого мужского монастыря и т.д.)²¹, о создании в начале XVII в. Астраханской епархии. Однако задачи, стоявшие перед астраханскими воеводами, требовали дополнительных военных ресурсов. Об этом сообщают в 1604 г. русские послы: “А воевода твой государев Михайло Сабуров да дьяк Офонасей Карпов о провожатых нам холопом твоим, сказали: что у них было в Асторохани конных стрельцов, и те все разосланы для твоих государевых дел на Яик и к Солям и по иным местам и по Волге вверх для воров казаков, которые громили суды торговых людей, и встречу кизылбашского посла от воров для береженья, и послати им с нами полем стрельцов конных неково”²².

Во второй половине 1580-х гг. произошли качественные изменения в политике Москвы на Северном Кавказе. Россия окончательно закрепила в нижнем течении Терека и создала там целую систему городков-крепостей - Терский городок, Койсинский и Сунженский остроги.²³ Если ранее такие городки возникали спорадически и существовали недолго, то в рассматриваемый период произошло фактическое укрепление Притеречья за Россией. Активная антитурецкая и антикрымская русская политика на Северном Кавказе способствовала не только росту влияния здесь России, но и защищала низовья Волги и, в первую очередь, Астрахань, создавала условия для стабилизации обстановки в Пониловом Поволжье.

В середине 1590-х гг. были предприняты первые попытки для усиления влияния астраханских воевод на ситуацию в низовьях Яика. В 1595 г. по просьбе ногайских мурз в устье реки был поставлен деревянный городок, срубы для которого заготовили в районе Тетюшей²⁴.

Итак, даже беглый обзор правительственных мероприятий в Пониловом Поволжье свидетельствует о том, что, начиная со второй половины 1580-х гг., русская администрация получила новые рычаги для эффективного контроля над ситуацией в огромном регионе. Нельзя преуменьшить роль в этом процессе волжско-яицкого казачества. Строительство “государевых” крепостей на Волге - Самары. Царицына, Саратов ликвидировало возможность для дальнейшего формирования казачьей области на волжских берегах. Вольница с Волги в основном уходила на Яик, частично на Дон и Терек. Постепенно складывалась яицкая казачья область, что сопровождалось в последние десятилетия XVI в. сооружением постоянных казачьих городков. Первые сведения о таких городках - “зимниках” появились в середине 1580-х гг. Наиболее ярким эпизодом стало строительство в конце лета - начале осени 1586 г. Кош-Яицкого городка в устье р. Илек, что вызвало ожесточенное сопротивление ногайской знати²⁵. По мнению исследователя яицкого

казачества В.Н. Дариенко, к концу XVI-началу XVII вв. казачьи поселения-городки располагались по всему Яику от устья до современного Соль-Илецка. Пока это были укрепленные центры отдельных казачьих общин (единая яицкая казачья область возникла позднее, не ранее середины XVII в.)²⁶, но появление их в центре ногайских кочевий означало коренное изменение ситуации в степной и лесостепной зоне Понизовья.

Начальный процесс формирования единых казачьих областей на юго-востоке России шел практически одновременно на Дону, Яике и Тереке. В среде яицкого казачества, как впрочем, и терского и гребенского, эти процессы происходили только несколько медленнее, запаздывали²⁷. В любом случае роль яицкого казачества в регионе изменилась, оно становилось постоянной, реальной силой, значимость которой осознавалась и российской администрацией, и кочевниками. Наиболее «пострадавшей» в этот период оказалась Большая Ногайская Орда. Претензии ее руководства на самостоятельность и независимость окончательно рухнули в середине 1580-х гг. Видимо, ногаи рассматривали даже возможность ухода всей Орды за Яик. В конце августа 1586 г. служилые юртовые татары «Балыкчей и Казымайдан» сообщили астраханскому воеводе о том, что «Урус де князь и мирзы...говорят...только де города не возьмут (Кош-Яицкого казачьего городка - Э. Дубман)...и им де кочевать за Сыр-реку»²⁸. После поражения под казачьим городком Ногайская Орда все же осталась на старых кочевьях, но роль свою как самостоятельной силы потеряла. Достаточно вспомнить, что в 1600 г. бия Больших Ногаев Ишперека не избрали, как это полагалось по традиции, мурзы, а «посадили» на престол воевода Астрахани²⁹. И зимние, и летние кочевья Орды оказались охваченными со всех сторон цепью государственных и казачьих городков. Нарушились традиционные связи с Крымом и ногаями Малой Орды, что привело к своеобразной изоляции.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. происходил быстрый рост промыслового предпринимательства на Волге, в котором активное участие принимали церковные феодалы, частные светские предприниматели и государство. Основными отраслями являлись рыболовство и добыча соли в астраханских озерах. Однако рыболовецкие промыслы с четко фиксированными рыболовными угодьями сформировались только в казанско-тетюшском и астраханском районах. Вся остальная акватория реки оставалась зоной ненормированных, фактически неконтролируемых промыслов. Правительство, жалуюя правом на добычу рыбы, ограничивалось расплывчатой фразой, типа «ловить рыбу в Волге реке до Самары и до Саратова, где место приищут». Только в конце XVI –

начале XVII вв. в окрестностях Самары и Саратова начал складываться еще один район нормированных промысловых угодий³⁰.

Смута нарушила систему, создававшуюся Москвой во второй половине XVI - начале XVII вв. в Понизовье, но это было не разрушение всей системы, а лишь сбой в ее работе, вскоре исправленный при новой династии.

Понизовое Поволжье (как и все Поволжье от Ярославля и ниже) в меньшей степени пострадало от событий Смутного времени, чем западные и центральные районы страны. Об этом свидетельствуют результаты исследований П.П. Смирнова³¹, Е.Д. Сташевского³², А.М. Карпачева³³. Но, сложившаяся во второй пол. XVI – начале XVII вв. система городов-крепостей, опорных пунктов, торговых путей и промысловых угодий; политического равновесия в крае, где соседствовали ногайская орда, яицкое казачество, служилое и посадское население, русские промышленники и торговцы из центральных районов, была в значительнейшей степени нарушена. В годы Смуты погибли Царицын и Саратов. Астрахань, бывшая под властью оппозиционного правительству Василия Шуйского сил, оказалась в 1613 г. в руках И.Т.Заруцкого, который готовил новый поход на Москву. Ниже устья Камы московское правительство контролировало только Тетюши, Самару и Терки. Состояние Самары в 1613–1614 гг., как об этом можно судить по отпискам местного воеводы Д.П. Лопаты-Пожарского, было весьма плачевным³⁴.

Фактически враждебную позицию России заняла Большая Ногайская орда. В 1614 г. князь Ишгерек обратился к Турции с просьбой о подданстве. Набеги ногайцев на русские окраины не прекращались до 1617 г.³⁵

В Смутное время произошло “возрождение” волжского казачества. На волжских берегах, между Самарой и Царицыным, располагалось в 1613–1614 гг. восемь казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось около 600 чел.³⁶. Неизвестно, были ли эти городки постоянными “зимовьями” или временными летними стоянками. Характерно, что в Москве, когда рассылали грамоты, призывавшие к борьбе с Заруцким, решили обратиться к волжскому казачеству как к совершенно самостоятельной силе, поставив его в тексте документов впереди яицких и терских казаков и именуя “войском”: “на Волгу атаманом и казаком всему великому войску” или “всему вашему Волскому великому войску”³⁷. Эти дипломатические акции сопровождали поход в Понизовье армии под руководством князя И.Н.Одоевского и С.В.Головина. Несмотря на то, что казна была пуста, воеводы должны были привести казакам “царское жалованье, денги, и сукна, и хлебные запасы, и вино...”³⁸.

Думается, что такое обращение к разрозненным ватагам волжских казаков являлось, дипломатической уловкой, попыткой разделить возможных противников, склонить часть из них на сторону правительства. Необходимо учесть чрезвычайно сложное положение, в которое попало правительство Михаила Федоровича в 1613-первой пол. 1614 г. В Астрахани разгоралась авантюра И.Т. Заруцкого, западные районы России были оккупированы поляками и шведами, вынашивавшими планы новой интервенции; уезды к северу от Москвы (Белозерский, Пошехонский, Вологодский, Каргопольский, Ярославский и другие) охватило широкое казачье движение, предводители которого планировали идти в Понизовье на соединение с отрядами Заруцкого³⁹. Но, вместе с тем, содержание посланий свидетельствуют о той роли, которую вольное казачество играло в это время по всей Волге от Самары до Астрахани.

Появление весной 1614 г. в Понизовье крупных правительственных сил, разгром движения Заруцкого и отрядов наиболее непокорных яицких атаманов изменили положение в регионе, ликвидировали возможность формирования там новой оппозиции⁴⁰.

Несмотря на сложнейшую ситуацию, в которой оказалось Понизовое Поволжье в первые годы после завершения Смутного времени, уже в 1614 г. регион вновь стал ареной активной промыслово-торговой деятельности русских предпринимателей. Развитию предпринимательства способствовали и местные власти. Летом 1614 г. астраханский воевода, сообщая казанскому об освобождении Астрахани от И. Заруцкого, писал: "да велети бы, господа, вам ехати к нам в Астрахань всяким торговым людем со всякими товараы и с запасы, и кто похочет учуги откупати". Такие же отписки были разсланы и по другим городам⁴¹.

К 1616-1617 гг. правительственная политика в Понизовом Поволжье достигла определенных успехов. В конце 1616 г. в подданство России вернулась Большая Ногайская орда⁴². Были восстановлены Царицын (видимо, в 1615 г.) и Саратов (под 1614 г. на месте Саратова упоминается только "пепелище"⁴³, первое известие относится к 1616 г., а в 1617 г. в крепость был назначен воевода)⁴⁴. Но в росписи сборов 3-ей пятины 1616 г. (росписи окладов для сбора денег)⁴⁵ указаны из низовских городов, располагавшихся ниже устья Камы, только Самара и Уфа (Тетюши, видимо, попали в общую строку "Казань со Свяжском и пригородами")⁴⁶. Только что отстроенные Царицын и Саратов (последнего, возможно, еще и не существовало) были населены только служилыми годовальщиками и практически не имели посадских жителей. Непонятно, почему в росписи 1616 г. не оказалось Астрахани, которая вполне оправилась после событий Смуты и являлась крупнейшим военно-административным и торгово-промысловым центром Понизовья.

По словам одного из современников, в 1614 г. в Астрахани насчитывалось около 10000 жителей⁴⁷. В пользу мнения о весьма значительном служилом, торговом и посадском населении города свидетельствуют результаты обыска, произведенного в Астрахани в 1616 г. по делу о злоупотреблениях астраханского воеводы и приказных людей. Материалы “обыска”, подробно рассмотренные В.Н.Бернадским⁴⁸ и И.И.Смирновым⁴⁹, затронули весьма значительную часть населения - 1563 чел. Среди них - 94 астраханских посадских жителя, 18 торговых людей из “верховых городов, 33 купца из Ирана, Средней Азии, армян; 18 попов, дьяконов и монахов. Остальные относились к служилому населению - дворянам, стрельцам, подъячим Астрахани и присланным из других городов. “Обыск лишь частично затронул представителей социальных низов города - мелких торговцев, промышленников, ремесленников, холопов и т.д. Скорее всего, и служилые сословия, многие представители которых также занимались промыслами и торговлей, были охвачены не полностью. Численность мужского населения города должна была значительно превышать количество людей, приведенных к обыску. Следовательно, есть основания видеть в Астрахани крупный военно-административный, торговый и промышленный центр, полностью восстановившийся после Смуты. Посадское население к 1621 г. появилось и в Саратове. В материалах опроса местных жителей фигурируют 8 посадских людей, составлявших едва ли не все податное население крепости»⁵⁰.

К концу второго десятилетия XVII в. центральное правительство смогло полностью восстановить свои позиции в Волжском Понизовье. Условия для предпринимательской деятельности на территории региона стали относительно безопасными. Об этом свидетельствует наплыв предпринимателей “сверху”, что позволило правительству отказаться от заведения казенных предприятий в Астраханском Поволжье и практически полностью перейти к системе передачи промысловых угодий на откуп частным промышленникам⁵¹. Из казанско-тетюшских вод предприниматели и работные люди все в больших количествах уходили вниз по Волге в более выгодные в промысловом отношении районы. Казанские воеводы в 1624 г. жаловались на то, что в “...казанских водах ...недолавливается рыба для царя...”, так как рыбные ловцы уходят к Самаре, Саратову и ниже “...идут в оброк...” к монастырям⁵².

Московский гость Ф. Котов, в 1623 г. составивший краткое описание низовых городов, увидел Казань и Астрахань крупными военными и торгово-промышленными центрами. Самара ему показалась, прежде всего, крепостью, за стенами которой спрятались “посады и ряды”. В отличие от новопостроенных городков Саратова и Царицына, о Самаре Ко-

тов сообщал: “город стар, рубленой, низок”⁵³. Также только крепостью в описании гостя выглядит Царицын, в котором не упомянуты ни посад, ни “ряды”. В большей степени торгово-промысловым центром показан Саратов, у которого “дворы и ряды в городе, а за городом стрелецкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов запасы”. Котов увидел и описал острог на р. Камышенке, где с весны до осени, по его словам, стояло от 500 до 700 казанских и “пригородных” стрельцов, присылавшихся из Казани⁵⁴. Этот острожек появился на рубеже 1620-х гг. между Доном и Волгой, где был еще один (наравне с Переволокой) путь переправы казаков с Дона на Волгу - Камышинский волок. Несколько позднее, в 1626 г. между Царицыным и Астраханью была построена еще одна крепость - Черный Яр, описание которой как чисто военного пункта на Волге приведено у А. Олеария. В 1630 г. перестроили крепостные сооружения Саратова⁵⁵.

Следовательно, в первые десятилетия после Смуты были не только возрождены ранее существовавшие городки на Волге, но и устроены новые. При этом защищался, прежде всего, район Переволоки и нижнего течения Волги. Правительство сопровождало свою деятельность мерами по увеличению численности гарнизонов в регионе. Усиливающаяся “милитаризация” хорошо прослеживается по Разрядным книгам⁵⁶. Все вышеперечисленное заставляет по новому взглянуть на политику государства и ситуацию, сложившуюся в 1610-начале 1630-х гг. в Волжском Понизовье. Это тем более важно в связи с утверждением А.А. Новосельского о том, что на юге в это время (1620-е—первая половина 1630-х гг.) не было построено “ни одного нового “жилого” города”, кроме нескольких “стоялых” (то есть временных) острожков⁵⁷.

Как и в период до Смуты, правительство стремилось закрепиться на всем северном побережье Каспия от Терека до Яика. В Москве уже с конца XVI в. были хорошо осведомлены о топографии местности прилегающей к Яику и время от времени пытались уточнить эту информацию. Достаточно вспомнить сведения, изложенные в “Книге Большому Чертежу”⁵⁸, описание преследования в 1614 г. бежавшего на Яик И. Заруцкого⁵⁹, составленную в 1614 г. “Роспись урочищ вверх по реке Яику”⁶⁰. В последующие годы были предприняты новые усилия для изучения волжско-яицкого междуречья, его картирования. Зачастую эти действия были напрямую связаны с планами сооружения на Яике русских укрепленных крепостей. К строительству нового яицкого городка подталкивали отношения, сложившиеся между ногаями и калмыками. Уже в 1619 г. ногаи, защищаясь от калмыцких нападений, попытались устроить для себя укрепленный острожек у Яика, но потерпели неудачу⁶¹. Правительство, весьма настороженно относясь к калмыкам, появившимся в

междуречье Волги и Яика, пыталось сохранить и поддержать ногаев как противовес новой опасной силе. Это желание было обоюдным. Главы отдельных ногайских орд сами предлагали русской администрации поставить на реке крепость с сильным гарнизоном. Например, в 1628 г. мурзы обратились к астраханским воеводам с “выражением желания подчиниться царскому суду, расправе и обороне”, что означало не что иное, как просьбу о фактическом управлении Ордой и ее защите от калмыков⁶².

Значительную роль в регионе играло яицкое казачество. Резко возросла его численность. Уникальный материал о яицком казачестве содержится в списках, составленных в 1632 г. сыном боярским Богданом Змеевым. Он сообщал в своей челобитной: “Да я же был послан на Яик атаманов и есаулов и козаков уговаривать и, уговоря, ко кресту их приводить; и я всех козаков уговорил и ко кресту привел: крест целовали ...государю, царю и великому князю ... по полной записи; а oprичь меня на Яик козаков ко кресту никто не приваживал”⁶³. Змеев, задача которого состояла в том, чтобы уговорить яицких казаков бросить “воровство” и принять участие в Смоленской войне, смог записать на “государеву” службу 950 человек⁶⁴. Однако большая часть казаков, около 2000 чел., осталась на Яике. Таким образом, общая численность яицкого казачества составляла около 3000 чел. Большинство яицких казаков было выходцами из приволжских и среднерусских областей, лишь очень немногие пришли с Терека и ни одного (судя по прозвищам) с Дона⁶⁵. Даже не успев создать единой организации, казачья вольница к началу 1630-х гг. превратилась в весьма серьезную многочисленную силу⁶⁶.

В отличие от низовьев Яика, более прочные позиции были у России в долине Терека. Терки с русской администрацией, значительным военным гарнизоном, посадом, слободами с нерусским населением и казачьими станицами стал крупнейшим после Астрахани центром в Понизовье⁶⁷. По данным С.А.Козлова, в начале XVII в. у местного казачества сложилась войсковая организация⁶⁸.

Показателем стабильности в регионе являлась ситуация на его северных границах. На Левобережье естественной границей земледельческого расселения в эти годы была р.Кама, в Правобережье эта граница постепенно смещалась за укрепления “Старой Тетюшской черты”. Однако пределы распространения ареала оседлости к югу, как и вопрос об устройстве “Новой Тетюшской черты” остаются дискуссионными⁶⁹. Судить о таком освоении сколько-нибудь значительного нового региона в первые десятилетия XVII в. не представляется возможным.

В конце XVI—первой пол. XVII вв. практически все Симбирское и Закамское Поволжье до Самарской Луки включительно являлось зо-

ной активной промысловой деятельности коренного населения края. Судя по собранным и систематизированным А.А. Гераклитовым и М.В. Биленко материалам, промысловые угодья населения Алатырского уезда в первой четверти XVII в. простирались от устья Алатыря и Барыша на юго-восток до Волги, устья р. Терешки⁷⁰. Вдоль обоих берегов Волги до Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые угодья мордвы, татар и чувашей Казанского уезда. Начальные сведения об эом относятся еще к временам Казанского ханства и правления Бориса Годунова⁷¹. С северо-востока, вплоть до среднего и нижнего течения рек Самары, Сока, Кинеля простирались угодья башкир, о которых также имеются фрагментарные документальные сведения⁷². Замечательны вывод крупнейшего исследователя мордовского расселения в XVI-XVII вв. А.А.Гераклитова о том, что на Самарской Луке мордва появилась по крайней мере с середины XVI в. в качестве пользователя ухояями, а на протяжении XVII в. не только расширила свою промысловую деятельность, но и осела там⁷³. Вряд ли имеет смысл перечислять все случаи фиксации в документах промысловой деятельности в изучаемом регионе мордовского, чувашского, башкирского и татарского населения. Следует лишь отметить, что подобные промыслы были постоянными, существовавшими на протяжении десятков лет, переходившими по наследству; они требовали длительной сезонной деятельности промысловиков - оброчников, вотчинников, наемных работников. Наиболее примечательный и поучительный пример такого освоения можно рассмотреть в связи с промысловыми владениями казанских феодалов Асановых. Бортовые, бобровые и рыбные угодья на левобережье Волги от р. Майны вниз по Волге по р.Урень и до Черемшана были пожалованы им еще при Иване Грозном⁷⁴ и сохранялись за этой семьей, вплоть до конца XVII в.⁷⁵ В угодьях Асановых, как, впрочем, и других вотчинников и оброчников, постоянно в течение промыслового сезона находились промышленники. Они устраивали временные жилища, хранилища, рыболовецкие и охотничьи станы и при этом должны были укрываться от отрядов кочевников. Вся территория вдоль волжских берегов, вплоть до Самарской Луки и ниже, отнюдь не была пустынной. Здесь кипела жизнь, но жизнь, скрытая от постороннего глаза, основанная не на постоянном оседлом поселении, а на временном укромном стане-убежище.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в пределах северных лесостепных территорий Понизового Поволжья помимо летних пастбищ кочевников, постоянно имелось и промысловое население, делавшее все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Практически одновременно, но различными этническими и социальными группами шло промысловое освоение как акватории Волги, так и при-

легающего к нему лесостепного пространства Предволжья и Заволжья. Эта зона промысловой деятельности спускалась на юг едва ли не до широты Саратова.

Еще одним показателем определенной стабильности в регионе явилось появление первых постоянных сельских населенных пунктов на Самарской Луке и в Западном Закамье. Первые сведения об уже существовавших селениях на Самарской Луке - д.Подгоры, относятся ко второй пол. 1620-х гг.⁷⁶ Еще раньше появилось село Рождественно, которое явилось базовым для освоения восточной части Самарской Луки. Можно предположить, что ее заселение началось в конце 1610-х-начале 1620-х гг. В 1631/32 г. огромную территорию на западе Луки получил в оброчное пользование гость Надея Светешников. Вскоре в Надеинском Усолье появился крупный хорошо вооруженный городок, несколько поселений, солеваренный и рыбный промыслы⁷⁷. В Закамье в 1626 г. группа крестьян переселенцев из дворцового с.Елабуги основала на незащищенном правобережье небольшой починок, затем разросшийся в село - Чалны (у р.Чалны). За вторую пол. 20-х-30-е гг. XVII в. там вырос целый комплекс селений⁷⁸. Практически одновременно с русскими в вышеуказанных районах возникали поселения мордвы, башкир, татар. Анализ характера возникновения таких поселений, их размещения, размеров и стабильности существования, произведенный по материалам 1640-х гг. - второй пол. XVII в., показывает, что они являлись прямыми наследниками временных промысловых становищ коренных народов края. Эти селения также прятались в укромных местах, на лесных полянах, были невелики, неустойчивы и т.д.

Итоги развития городов Понизовья Поволжья в первой трети XVII в. подведены в документах пятины 1634 г. Е.Д. Сташевский⁷⁹ и П.П.Смирнов⁸⁰, анализируя ее результаты, пришли к выводу о процветании в эти годы восточной торговли, которая осуществлялась в основном через волжский путь. Однако слова исследователей о подлинном расцвете поволжских городов следует отнести, прежде всего, к торгово-промышленным центрам между Ярославлем и Казанью.

Города Понизовья значительно уступали им по количеству посадских и "белых" дворов, по размаху предпринимательской деятельности. Крупнейший торгово-промысловый центр региона - Астрахань с собранными. пятинными и запросными деньгами (соответственно, 2273,22 руб. и 2395,5 руб.) значительно уступал таким поволжским гигантам как Ярославль (17665,04 руб.) или Казань с пригородами (26197,36 руб.), но вполне был сравним с Свяжском (4631,42 руб.) или Чебоксарами (1890,61 руб.)⁸¹. Следует учесть, что в Астрахани более половины всего сбора было получено за счет запросных денег. Посадское население

ние заплатило только 759,98 руб., остальные были взяты с архиерейского Дома, монастырей, священнослужителей и т.д. Таким образом, собственно промыслово-торговое население посада было не столь уж велико и богато. Вторым по торгово-промысловой значимости городом Понизовья являлась Самара, общая сумма пятины по которой - 952,06 руб.⁸², вполне сравнима с теми деньгами, которые самарцы должны были внести в казну при проведении пятины 1616 г. - 700 руб. В окладной росписи 1634 г. оказались 69 посадских людей (имеется ввиду взрослое мужское население, скорее всего дворовладельцы или, по крайней мере главы семей), 22 захребетника, 9 гулящих людей, 4 жителя Рыбной слободы, 5 казенных кирпичников. К ним следует отнести дворы вдов, священнослужителей, юртовых казаков и т.д. Пятину платила также значительная часть самарского гарнизона. По самым предварительным подсчетам в городе, кроме семей гарнизона (с общей численностью до 2500-3000 мужчин и женщин), насчитывалось около 1000 человек обоего пола гражданского, преимущественно, посадского населения. Среди городов-крепостей, располагавшихся по берегам Волги от Казани до Астрахани, Самара в это время была самым значительным по торгово-промысловой деятельности населенным пунктом. К примеру, в Саратове в 1634 г. насчитывалось 32 посадских двора (или семьи) и 51 семья соседей и подсоседников, которые вкуче заплатили всего 121,71 руб. пятинных денег⁸³. Однако по количеству посадского населения Самара, Саратов, Царицын и даже Астрахань уступали сравнительно небольшим городам Казанского Поволжья. Несмотря на значительно меньшие по размеру пятинные сборы, Тетюши и Лаишев имели более населенные посады. В Тетюшах 231 плательщик (из них 146 посадских людей - глав семей) заплатили 276,85 руб.⁸⁴. В Лаишеве из 234 плательщиков пятины (общая сумма 276,3 руб.) 169 были посадскими людьми, 43 рыбными ловцами, "которые живут на белых местах", 23 - поровну захребетники и служилые казаки⁸⁵.

И все же по материалам пятины 1634 г. можно сделать вывод об определенной стабильности в регионе, о приобретении военно-административными пунктами на Волге несомненных торгово-промысловых черт. Поэтому имеет смысл усомниться в точности широко известных описания и рисунков понизовых городов, сделанных А. Олеарием. В Самаре Олеарий указал "небольшое количество каменных церквей и монастырей"⁸⁶, на его рисунке отсутствуют слободы и предместья; в Саратове, по его мнению, "живут одни лишь стрельцы". Ближе к истине характеристики Царицына и Черного Яра, которые, по его словам, были населены исключительно стрельцами⁸⁷. Голштинский путешественник увидел во всех этих поволжских городах исключительно военные пункты, что

совершенно не согласуется с современными его описанием другими источниками.

Однако, как это показывают более поздние материалы, Самара, Саратов, другие поволжские города, даже Астрахань, не стали в XVII в. крупными посадскими центрами. Для этого к промышленной округе необходимо было интенсивное развитие земледельческой. Примеры быстрого роста Симбирска и Сызрани во второй пол. XVII—начале XVIII вв. являются подтверждением этого тезиса. Еще одним фактором задержки развития “и даже разрушения” посадских центров Казанского Дворца, по мнению П.П. Смирнова, была “милитаризация границы”⁸⁸. Для Понизовья такой вывод является не менее, а даже более актуальным, чем для городов собственно Казанского края. В пользу данного предположения свидетельствуют материалы о гарнизонах в городах Приказа Казанского дворца за 1625–1638 гг., которые показывают, что численность местного служилого населения (не годовальщиков, а постоянного, имевшего свое хозяйство, дворы и семьи) в несколько раз превышала количество посадских людей⁸⁹.

Середина 30-х гг. XVII в. явилась переломным моментом в истории южных и юго-восточных окраин России. Потерпев сокрушительное поражение в Смоленской войне, правительство осознало необходимость более активной политики на границе с Диким полем. Начался новый период в истории огромного региона.

Примечания:

1 Историки именно по нижнему и среднему течению р. Яик (Урал) проводят юго-восточную границу России в конце XVI – XVII вв.

2 Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки по истории края и его колонизации). М., 1877; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

3 Карпов А.Б. Уральцы. Уральск, 1911; Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII-начале XVIII в. М., 1966; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века//Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института. Саранск, 1949; Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-Русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1988; Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин. (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995; др. работы.

4 Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С.283-286; Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века//Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института. Саранск, 1949. С.43, 48-49; Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-Русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1988. С.77-96.

5 Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916. С.185.

6 Акты Московского государства (далее АМГ). Т.1. СПб., 1890. №4,9,18 и др.; Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1848. С.7-35; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и засечная черта//Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. XX. М., 1948. С.3-12.

7 Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов, 1923. С.120-123.

8 АМГ. Т.1. № 31. С.57-60.

9 Цит. по: Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. С.302-303.

10 Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С.36; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С.24-29.

11 По мнению А.А. Новосельского в 1570 - первой половине 1580 гг. Большая Ногайская орда вела настоящую войну с Русским государством. См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С.40.

12 Карпов А.Б. Уральцы. Уральск, 1911; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., исправленное и дополненное. Новосибирск, 1986; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. М., 1972; Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков//Актуальные проблемы истории СССР. Сборник трудов. Московский областной пед. институт им Н.К. Крупской. М., 1976. С.18-57; др. работы.

13 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI - 30-е годы XVII века. М., 1963. С.238-244.

14 ПСРЛ. Т.14. С.36.

15 Материалы истории СССР. II. Документы по истории XV-XVII вв. М., 1955. С.88.

16 Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. С.35-37.

17 Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин. (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С.28.

18 Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI - XVII вв. С.36.

19 Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин. С.49-67.

20 Разрядная книга 1475-1605. Т.3. Ч.1. М., 1987. С.107-108; Строительство каменного города продолжалось, по крайней мере, до 1591 г. См.: АИ. Т.1. СПб., 1841. №230. С.438-440; Хлебников П.Х. Астрахань в старые годы. I. Вторая половина XVI века. СПб., 1907. С.126 и далее.

21 Савинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С.85, 90, 107-108,

22 Цит. по: Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. М., 1951. С.216.

23 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI - 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 244, 269, 276, 278, 284; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. С.35, 36 и др.

- 24 Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С.493-494, 504; ОР ГПБ. Ф.885. Эрм. 390/1; Правда, просуществовал он недолго и вскоре был снесен. См.: Дариенко В.Н. Основание города Гурьева//Вопросы истории. Сб. статей. Вып. V. Алма-Ата, 1973. С.190.
- 25 Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара?//Самарский краевед. Самара, 1994. С.268-269; Сурьинников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е издание, исправл. и дополненное. Новосибирск, 1986. С.145-146.
- 26 Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII-начале XVIII в. М., 1966. С.8, 11, 12
- 27 Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону//Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С.158-173; Козлов С.А. Русское казачество на Северном Кавказе (вторая половина XVI-XVII вв.). Автореферат канд. дис.... Л., 1989. С.9-12
- 28 Пекарский П.П. Указ. соч. С. 268-269.
- 29 Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-Русские отношения в XV - XVII вв. Алма-Ата, 1988. С.111.
- 30 Дубман Э.Л. Промысловое освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI - начале XVII вв.//История и человек. Самара, 1998. С.40-41.
- 31 Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т.1. Вып. 2. Киев, 1919.
- 32 Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Часть первая. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. Киев, 1913; Его же. Пятина 142-го года и торгово - промышленные центры Московского государства//ЖМНП. №XXXVIII. 1912, апрель.
- 33 Карпачев А.М. Пятина 1634(142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства//Исторические записки. М., 1950. №33.
- 34 Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. (по русским архивам). М., 1987. С.32.
- 35 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С.92-93.
- 36 Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов, 1923. С.198; Бернадский В.Н. Конец Заруцкого//Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им А.И. Герцена. Т.XIX. Кафедра истории СССР. Л., 1939. С.104-105.
- 37 ААЭ. Т.3. СПб., 1836. №18, 21, 22, 24, 25, 26. С.21-60.
- 38 Там же. №22. С.45.
- 39 Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С.110-111.
- 40 Бернадский В.Н. Конец Заруцкого//Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им А.И. Герцена. Т.XIX. Кафедра истории СССР. Л., 1939. С.104-105. С.83-130.
- 41 АИ. Т.3. №28.
- 42 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С.72-78.

- 43 АИ. Т.3. С.426-428, 440-446.
- 44 Гераклитов А.А. История Саратовского края. С.199-201.
- 45 Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века//История СССР. 1986. №3. С.156.
- 46 Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С.158-161.
- 47 Смирнов ИИ. Восстание Болотникова 1606-1607. М., 1951, С.230.
- 48 Бернадский В.Н. Конец Заруцкого. С.99-100.
- 49 Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607.С.230-235.
- 50 Архив СПб ИИ ФИРИ. Ф.38. Оп.1. Д.220. Л.29.
- 51 Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке//Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук. Вып.5 (48). Ленинград, 1939. С.89-90.
- 52 ААЭ. Т.3. №153. С.219
- 53 Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я. Котова//ООРЯС. Т.XV. Кн.4.СПб.,1910. С.291-292. Только в списке, опубликованном Н.М. Петровским, есть описание Самары
- 54 Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С.29-31.
- 55 Книги разрядные. Т.II. СПб., 1855. С.288.
- 56 Книги разрядные. Т.I. СПб, 1853. С.1141-1358; Т.2. СПб., 1855. С.931; Разрядная книга 1637 - 38 года. М., 1983. С.117-124 и др.
- 57 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. С.159-160.
- 58 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С.92-94, 182.
- 59 АИ. Т.3. №23. С.23.
- 60 Дариенко В.Н. Основание города Гурьева//Вопросы истории. Сб. статей. Вып. V. Алма-Ата, 1973. С.190.
- 61 Материалы по истории народов СССР. Вып.3. Материалы по истории Узбекской, Такжикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. Л., 1932. С.141.
- 62 Цит. по:Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С.148-149.
- 63 АМГ. Т.2. № 429. С.266.
- 64 Карпов А.Б. Уральцы. С.55-57. Приложение I.
- 65 Дариенко В. Классовая борьба на Яике в XVII - начале XVIII вв. М., 1966. С.14.
- 66 Там же. С.19.
- 67 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М.,1963. С.70, 293; Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII- начала XVIII в. М.,1982. С.32-33. Хожение купца Федота Котова в Персию, М., 1958. С.33.
- 68 Козлов С.А. Русское казачество на Северном Кавказе (вторая половина XVI-XVII вв.). Автореферат канд.диссертации. Л., 1989. С.12.
- 69 Клеянкин А.В. Родное Приурье. Ульяновск, 1974. С.6; Мартынов П. Селения Симбирского уезда(Материалы для истории Симбирского дворянства и ча-

стного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903. С.233, 240, 261; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Саратов, 1986:30-33.

70 Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. Б.г., б.м. С.3-13; Его же. Алатырская мордва по переписям 1624-1721 г. Саранск, 1936. С.11 и др.; Козлов В.И. Расселение мордвы(Исторический очерк)//Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып.1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.LXIII. М., 1960. С.12. (Правда автор рассматривает границу бортных ухажав для середины XVI в. и доводит ее на юго-востоке до Самарской Луки.; Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам). Дис канд. ист. наук. Саранск, 1980. С.113, 120, 370.

71 Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. Казань, 1978. С.61, 62, 67; РГАДА. Ф. 1209. Оп.7. Д.159

72 Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары в жизни мордвы. С.11.

73 Там же. С.12.

74 История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С.169,171; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI- середина XVII в.). Тексты и комментарии. Казань, 1990. №17. С.51-52.

75 Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Т.IV. Симбирск, 1904. №90. С.226-255.

76 ОР РГБ. Ф.303 I. Д.562. Л.114-116об.

77 Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке//Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2. М., 1954. С.228-247.

78 Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Диссканд. ист. наук. Воронеж, 1980. С.44.

79 Сташевский Е. Пятна 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства//ЖМНП. №XXXVIII. 1912, апрель. С.97-99.

80 Смирнов П. Города Московского государства. С. 103.

81 Сташевский Е. Пятна 142-го года. //ЖМНП. Ч.XXXIX. 1912, май, №5. С.84-94.

82 РГАДА. Ф.396. Оп.1.Ч.26. Д.41162 Л.1-45.

83 Смирнов П. Города Московского государства. Т.1. С.64.

84 Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года. Дис.канд. ист. наук. Минск, 1948. С.343.

85 Там же. С.339.

86 Первый каменный храм в Самаре был построен только в конце XVII в. См.: Гурьянов Е. Древние вехи Самары. Самара, 1986. С.73.

87 Оlearий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.383-423.

88 Смирнов П. Города Московского государства. Т.1. Вып.2. С.65.

89 Книги разрядные. Т.1. СПб., 1853. С.1141-1358; Т.2. СПб., 1855. С.931; Разрядная книга 1637- 38 года. М., 1983. С.117-124 и др.